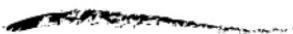

о такой, как ты

Читайте дилогии Татьяны Веденской:

Дилогия «Мой служебный роман»

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты

Дилогия «Что не делается – к лучшему!»

Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!

Дилогия «Лучшие подруги»

Загадай желание
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых
женщин

Дилогия «Мой любимый экстрасенс»

Фокус-покус, или Волшебников не бывает
Обыкновенный волшебник

Дилогия «Первая любовь»

Такая глупая любовь
Все дело в платье

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

Первая
любовь моя,
нелепая

дилогия |

Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
B26

Издание осуществлено
при содействии литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Оформление серии *С. Прохоровой*

Веденская, Татьяна.
B26   Первая любовь моя, нелепая: дилогия / Татьяна
Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
512 с.

ISBN 978-5-04-089512-0

«Такая глупая любовь»

Сегодня очень важный день для Маши — презентация дизайн-проекта, над которым она работала вместе с Робертом. Роберт... Когда она думает о нем, бабочки порхают в животе. Когда представляет, какой долгой и счастливой будет их семейная жизнь, в душе звучит музыка. Жаль, что Он не слышит этого дивного мотива, не догадывается о прекрасном чувстве девушки. Боже мой, но что случилось с презентационными материалами?! Они заляпаны и измяты! Маша не может упасть в грязь лицом перед возлюбленным! Унижение, стыд, грязь плохо сочетаются с любовью. Или все же случается?

«Все дело в платье»

Казалось бы, предложение руки и сердца сделано. Весь офис тому свидетель. И самое главное желание Маши Кошкиной — быть рядом с Николаем Гончаровым, опытным, красивым, успешным мужчиной, — исполнилось. Радуйся, сажай птицу счастья в золотую клетку и насыпывай с ней дуэтом! Но для Маши настали времена отнюдь не благостные. Каждый новый этап в отношениях с Николаем открывал ей ту сторону жизни, о которой она, романтическая девушка, и не подозревала. Как ей, дочке простых врачей, вписаться в круг жениха, принадлежащего совершенно к другому социальному классу? Как научиться обсуждать проблему, а не прятаться от нее подобно страусу? Как справляться с ревностью? Как сохранить свою волю, когда так хочется подчиниться и раствориться во власти прекраснейшего из мужчин?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089512-0

© Саенко Т., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Все совпадения, очевидные или неявные,
с именами, местами, ситуациями,
характерами, обстоятельствами
и любыми другими составляющими
данной книги, являются
чистой случайностью
и не были запланированы автором.*

Такая глупая любовь

роман

Глава 1

Благородная чета Кошкиных

Чемоданы стояли в углу прихожей, а рядом с ними стояла Мария Андреевна Кошкина — Машенька, и выражение ее милого, нежного и немного детского лица совсем не нравилось Татьяне Ивановне. Не этой легкой улыбки, не этого светлого, даже радостного взгляда с задорной хитринкой ждала от своей двадцативосьмилетней дочери мать. И от того, как мечтательно улыбалась Машка, желание уезжать улетучивалось на глазах. Конечно, никому и в голову бы не пришло требовать от доченьки горестных стенаний и громких рыданий с заламыванием рук, мол, не уезжайте, люди добрые, не оставляйте меня одну-одинешеньку в трехкомнатной квартире с окнами на Сокольнический парк, да на целых три неделечки. Ой, да как же я тут без вас! Нет, конечно. Но ведь и радоваться-то было нечему. А она вот радуется, паразитка. Так откровенно и хищно радуется по поводу отъезда семьи, что хочется подойти и наподдать прям... Но нет. Непедагогично.

Любимое выражение ее папеньки — «непедагогично». Вот и довоспитывались, долиберальничались. Поздно теперь менять педагогическую концепцию. Узнать бы теперь еще, что у нее в голове. В тихом омуте...

Маша маму не замечала, и от подглядывания за дочерью Татьяне Ивановне было немножко стыдно. Совсем чуть-чуть. А с другой стороны — и чего теперь? Караул

10 Татьяна Веденская

кричать? Кашлять демонстративно? Вот ведь сияет. Наверное, уже вечером затягивается... как бы это выразиться... непедагогичное. Может, и ехать-то вовсе не стоит. Это все отец, его спина больная, его кости и суставы — иными словами, опорно-двигательный аппарат — гнали их в санаторий, в эти дорогущие Карловы Вары.

Темноволосая головка Машеньки всегда была для Татьяны Ивановны проблемой. С самого детства Маша все делала по-своему, что означало, как правило, что делала она это не так, как надо. И ведь послал бог внешность — никогда в жизни не скажешь, какие черти прячутся за этой милейшей оболочкой.

Как такую оставлять одну? Это в Москве-то? Да к черту эту ее так называемую работу, пусть бы ехала с нами. К слову, кто же так на работу-то ходит, в таких легкомысленных беленьких платьях с открытыми плечиками! Даже пусть и лето, пусть и жара. Но та-а-ак оголять плечи! О чем только думает эта молодежь! Да бог с ней, с молодежью, знать бы, что в голове доченьки хитрющей и чего она так улыбается, какие такие у нее планы на эти три недели. Не наделала бы глупостей.

Самый большой кошмар — взрослая дочь, вошедшая в самую пору делать глупости. И мать прекрасно знает это, потому что сама была такой, и не так уж давно, чтобы вообще об этом не помнить. Да еще на работе чуть ли не каждый день приходится видеть, слышать, от абортов отговаривать. Дуры бабы, ой дуры. Нет, лучше ни о чем не думать, не накручивать себя, а то... никто никуда не уедет.

— Ждешь не дождешься? — спросила Татьяна Ивановна, и Машка подпрыгнула, как кошка, пойманная над чужой сметаной. Тряхнула блестящими каштановыми волосами и скривила рожицу.

— Ты меня напугала, мам.

— Не знала, что я на Бабу-ягу похожа, — усмехнулась Татьяна Ивановна и покачала головой. Маша делала вид, что ничего не происходит, но взгляд ее то

и дело скашивался на чемоданы. Татьяна Ивановна смотрела и думала: чего в ней такого? Вроде бы самая обычная — а взгляда не отвести. Простые карие глаза — но с хитринкой-веселинкой, лицо милое, и нежная, не слишком выраженная линия подбородка. Зато кожа такая матовая и ровная, как бархат, к тому же сейчас, с этим неправдоподобно глубоким загаром, смотрится так, будто только что с морей, из Ниццы. Губы небольшие, пухлые, а улыбка милая, даже ангельская, и ямочка на щеке. Фигурой Маша пошла в отца — невысокий рост компенсировался хорошей осанкой и гордым разворотом плеч. Ладно скроенная, Маша обладала очарованием юности и какой-то гармонией. Ну, и кошачья улыбка, конечно. Улыбка была такая, от которой все Машино лицо словно заливалось светом.

— Ты не на Бабу-ягу, ты на владычицу морскую похожа.

— Не заговаривай мне зубы.

— Которые? Имплантанты твои? — усмехнулась Машка и убежала.

Эх, хороша девчонка. Как бы не задурила! Волосы блестят, лежат покорными ровными прядями. Клеопатра. Только глаза и выдают, беспокойные, мятежные. Но мать-то знает, мать-то не проведешь. Все делает по-своему, и всегда так было. Теперь уж и институт позади, кто бы мог поверить. И, между прочим, совсем не тот институт, что для нее был выбран родителями.

Впрочем, кого винить? Характер. А характером этим в нее пошла, в саму Татьяну Ивановну.

— Печенье не хватай! Подожди Сашку, сейчас завтракать будем, — крикнула Татьяна Ивановна, вытирая пот со лба. Август выдался жарким и сухим, так что ни зонтов, ни тем более курток не доставали — не возникало потребности. Уже пройдя по коридору вслед за дочерью, Татьяна Ивановна оглянулась и нахмурилась. Опять кто-то шуркал в чемоданах. Вот же — открыто. Небось Андрей что-то сунул. Или Сашка?

12 Татьяна Веденская

Несмотря на то что чемоданы упаковывались вот уже, наверное, неделю (мама всегда и во всем любила предусмотрительность), время от времени кто-то все равно подходил и раскрывал один из чемоданов, чтобы доложить какую-нибудь никому не нужную ерунду. Ручной эспандер — это Андрей положил. Наивный, надеется, что будет заниматься-тренироваться. Наколенники, чтобы кататься на роликах. Это Сашкины. Как будто ему разрешат по Карловым Варам беспризорно колесить на роликах. Ему только позволь — и через пять минут он уже окажется где-нибудь в Швейцарии, не заметит, как переехал через Альпы.

Ах ты, опять сунул «лизуна» — последнее увлечение Саши! Татьяна Ивановна всплеснула руками и извлекла из чемодана игрушку — склизкий шар из какого-то прозрачного тянувшегося материала, ударишь о стену — «лизун» превращается в лепешку, но дашь ему полежать — собирается обратно в желеобразный «снежок», на котором все домочадцы время от времени поскользывались и который ненавидели всей душой.

— Нашла? — спросил Саша, подкравшись из-за спины. Голос, конечно, грустный.

— Где ты только их берешь!

— У меня золотой прииск «лизунов», — гордо ответил сын, двенадцатилетний генератор проблем с вихрастой головой и таким же, как у дочери, непредсказуемым характером.

— Я когда-нибудь хребет сломаю на твоих «лизунах».

— Осторожней надо быть.

— Иди завтракать, умник! — хмуро ответила Татьяна Ивановна. Сын покорно пошел. Завтрак в их доме был традицией, нарушать которую было себе дороже, хотя частенько и вставать, и есть в такую рань не хотелось. Но маму не переспоришь.

Семья должна собираться вместе за одним столом. Даже если дети при этом будут пялиться в фейсбуки свои, да и папа тоже — туда же, новости читать,

а мама — всех их ругать, ворчать и требовать повыбрасывать все эти гаджеты. Слово «гаджеты» мама использовала как ругательное.

А сегодня тем более никаких гаджетов, будь они неладны. Это же не просто завтрак — прощальный завтрак. Бедняжка Машка остается в Москве совсем одна! Сиди и рыдай. Вместе с «лизуном». Хотя нет, «лизуна» оставь.

— Я, может, тоже хочу остаться в Москве, — буркнулся Сашка, но ответа дожидаться не стал, тут же скрылся в коридоре. А то мог бы и огrestи — тапкой в спальню. Или «лизуном».

Завтракали по давно уже заведенному порядку. Кухня была небольшая, обычная, и стол теснился у стены, отставленный ровно настолько, чтобы вместить за собой очень худых людей. В узком коридоре перед гинекологическим кабинетом Татьяны Ивановны тоже стоял стол, из-за которого пациентки, особенно толстушки, не могли разойтись, постоянно натыкаясь друг на друга.

Утренняя рутина была давно расписана Татьяной Ивановной до мелочей. Мужчины протискивались за стол со стороны стены и чинно ждали, пока их обслужат, все положат, а затем все уберут. А Маша — девочка, так что Маша должна была сидеть рядом с мамой с внешней стороны стола и помогать ей обслуживать мужчин. Помогала она? Как бы не так! Вернее, как придется она помогала! А в последнее время все чаще убегала в холл — разговаривать с кем-нибудь по мобильному. Мама фыркала, требовала от дочери «попиметь уже совесть», но Машка делала круглые глаза и шептала одними своими ярко-алыми губками:

— Это по работе!

— И что? — кипела и переливалась через край Татьяна Ивановна. — Что это за работа такая, ни минуты покоя. У женщины дом на первом месте! Все эти штучки — чистый феминизм!

14 Татьяна Веденская

«Феминизм» у Татьяны Ивановны тоже был словом ругательным. А для Маши, к сожалению, отчий дом не входил даже в топ-10, куда уж там первое место.

Забавно, кстати, что разделение обязанностей на мужские и женские в доме Кошкиных происходило не точно и неполно, так как когда дело доходило до забивания гвоздей, к примеру, Татьяна Ивановна, как правило, забивала их сама. Так, на всякий случай. А то еще попортят чего.

Папа иногда называл их дом приютом матриархата.

— Достань ложки! — скомандовала Татьяна Ивановна Маше, а сама пошла к плите, уверенная в том, что Маша услышала и исполнит ее приказ. Проблема была в том, что Маша в кухне отсутствовала, но Татьяна Ивановна так сосредоточилась на каше, что даже не заметила этого.

— Не хочу я есть! — воскликнул Сашка, сонно зевая.

— Что, успел слопать пряник? — с подозрением спросила мама, а Саша тут же отвернулся к окну. Затем перевел взгляд на мать и скорчил несчастное лицо.

— Отдай «лизуна».

— Коленку покажи, — ответила мать, игнорируя его вопрос.

— Нормально все.

— Покажи, я говорю.

— Хватит меня йодом поливать.

— Хватит коленки разбивать ежедневно, и я перестану.

— Не перестанешь. Тебе нравится людей пытать. Ты даже не дуешь, когда щиплет.

— Господи, да я тебе коленки мажу три раза в день. Должен был бы уже привыкнуть. Думаешь, если родители — врачи, можно вообще не следить, куда ты несешься на своем велике?

— Что за шум, а драки нету? — Голос отца, мужа, почетного врача и члена приемной комиссии меди-

цинского института, и проч., и проч., и проч., а именно — Андрея Владимировича Кошкина — звучал весело и бодро. Он вошел в кухню и бочком, аккуратненько просочился на свое место.

— Вот, Андрей, твой сын мне грубит! — воскликнула Татьяна Ивановна, возмущенно размешивая кашу в кастрюле.

— Что это он у тебя, как только грубит, сразу становится моим сыном? — усмехнулся Андрей Владимирович и уселся на свое место у стены.

— Это все ты, уговорил меня купить ему велик. Ну нет у него координации!

— У меня отличная координация! — возмутился Саша. — Я даже кросс-ап делаю, а его почти никто не делает.

— Кросс-ап? — Татьяна Ивановна отложила ложку. — Это что за напасть? Сломает он голову на этом велике. — И тут она перевела взгляд на мужа. Андрей Владимирович, хотя и излучал довольство и благой настрой, однако за столом сидел в шейном корсете, застегнутом сзади на липучку. — Ты чего в ошейнике-то с утра? Опять пятый позвонок? — нахмурилась мама, глядя, как ее муж стаскивает шейный корсет и кладет его рядом с тарелкой овсянки. Есть в шейном корсете очень неудобно — это они хорошо знали по опыту.

— Ага. Тянет.

— Ох ты ж горе луковое. Это все потому, что ты зарядку никогда не делаешь. Если бы ты зарядку делал, нам бы и в эти Вары ехать не пришлось. И на душ Шарко ты не пошел.

— Слушай, Танюш, не начинай, ладно? — попросил Андрей Владимирович. — Я сам доктор, я знаю, что мне нужно.

— Знаешь — но не делаешь. Тоже мне, спортивный доктор. Сам-то всех отправляешь в бассейны и на физкультуры, да?

— Я ходил на растяжки! — обиженно протянул муж.